

Г. С. Корбут (Минск)

**О СПЕЦИФИКЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИИ «СТРАХ»
В РАССКАЗАХ Н. БЕРБЕРОВОЙ, А. ГРИНА, А. ПЛАТОНОВА**

Сложность вербального представления эмоциональных процессов обусловлена сложностью их протекания. Так, в сценарий возникновения и становления эмоций можно включить: 1) восприятие ситуации; 2) ее оценку; 3) саму эмоцию – чувство, проявляемое в физиологических реакциях, желаниях, моторной активности, речевой деятельности [2, с. 299].

Соглашаясь с тем, что объективация эмоций в тексте достигается их названием, выражением, описанием [4, с. 18], и понимая под средствами названия эмоций их «лексико-фразеологические обозначения, осуществляющие понятийную категоризацию внутренних переживаний» [3, с. 13], мы попытались выявить специфику употребления обозначений одной из базовых эмоций – страха – при воспроизведении эмоционального сценария в произведениях Н. Берберовой, А. Платонова, А. Грина. Для этого в микротекстах – «автономных фрагментах текста с общей микротемой и способом организации языковых единиц» [1, с. 57] – были выявлены следующие основные модели изображения страха: 1) «исходная ситуация, порождающая эмоцию – сама эмоция» – 28 % (32 ед.); 2) «эмоция – ее проявления» – 21 % (24 ед.); 3) «эмоция как данность» – 15 % (17 ед.); 4) «ситуация – эмоция – проявление» – 21 % (24 ед.). В рассказах указанных авторов преобладают микротексты (всего 113 из 128) с наличием в них какого-либо средства обозначения страха: 13 из 16 у Н. Берберовой (81 %), 52 (100 %) у А. Платонова, 48 из 60 у А. Грина (80 %).

Общей тенденцией в изображении **страха как данности** у А. Платонова и А. Грина (при единичном представлении данной модели у Н. Берберовой кратким причастием *напугана*) является использование предложно-падежных конструкций типа *со страхом / с ужасом* + глагол слухового (зрительного) восприятия: *Братья слушали его со страхом и верой* (А. Платонов); *Оглушенный и растерявшийся, Пыжиков с ужасом смотрел на помощника* (А. Грин), а также наречий *испуганно, боязливо* при глаголах физиологических процессов и состояний: *И сестра испуганно заснула*

рядом с меньшим братом (А. Платонов). Вышеперечисленные примеры показывают синхронность протекания физиологических процессов и эмоции, их невзаимообусловленность. В обозначении страха как данности только для А. Платонова характерны предложно-падежные формы вида *в страхе / в испуге* + глагол: **В страхе диспетчер продолжал танец**; а также сами глагольные обозначения страха, использование которых в составе разных синтаксических моделей позволяет представить эмоцию страха то как препятствие к достижению цели: *Семену давно хотелось попросить у домохозяина календарь, но он боялся*; то как противопоставленные в одном контексте эмоции разных персонажей, в числе которых присутствует и страх: *Антошка засмеялся на бабушку, что она боится*. Также для А. Платонова характерно сочетание имен-обозначений страха в субъектной позиции (в пределах одного микротекста) с именами-обозначениями иных эмоций и фазисными глаголами, указывающими на процессуальность эмоции: **Грусть и тревога перед жизнью, вызванные в Ольге смертью родителей, теперь прекратились**. В то же время А. Грина тяготеет к персонификации и усложненной метафоризации имен-обозначений страха: **Ужас подвигался к нему <часовому>; Любопытство, разбавленное темным испугом непонимания**.

Общими в представлении страха и его проявлений для А. Грина и А. Платонова (при отсутствии данной модели у Н. Берберовой) стали конструкции типа *от страха/испуга* при разнообразных глаголах. Так, у А. Платонова преобладает изображение разнообразных внешних физиологических проявлений, причем глагол *дрожать* чаще всего требует дополнительных «разъяснений» – либо образного сравнения, увеличивающего прагматический эффект высказывания, либо, как и в случае с эмоцией как данностью, сочетание в одном контексте имен-обозначений разных эмоций: *Он дрожал от горя и страха; Уля плакала от страха и вся дрожала, будто ее схватывали волки, а не ласкали родители*. А. Грина интересуют также изменения цвета лица (**Восковое от страха лицо; Багровая от испуга девушка**) и воздействие страха на ментальную сферу: *Я отупел от страха*. В произведениях А. Грина наблюдаем разнообразие метафорических конструкций как с персонификацией страха, так и без нее: *Ум стал рисовать кошмарные сцены, без*

удержа мчась дорогой больного страха; Отчаянный дикий страх ударил по задрожавшим ногам тяжелой как удушье внезапной слабостью. А. Платонова как автора интересует влияние страха на речевые процессы: *Никто не знал, что видит Уля, а сама она от страха сказать не умела; Рассказал про мошенничество (должно быть, от страха).*

Изображение страха как следствия опасной ситуации характерно для всех трех авторов, но основным оно является для Н. Берберовой. Представлено глаголами *бояться, испугаться* в конструкциях типа *бояться, что...*, *бояться + р. п.*, *бояться + инф.*, а также предикативным наречием *страшно* и глаголом *тревожить* в безличном употреблении. *Каждый раз, как он <поручик> брался за входную дверь, он боялся догадаться, что там все остыло, что там вообще нет ничего* (Н. Берберова); *Он сказал, что поцелует меня. Мне стало еще страшнее* (Н. Берберова). Деепричастия *боясь, страшась* реализуют те же конструкции представления страха как следствия, обогащая сценарий предикатом поведенческой реакции: *Заблудившись в черных клавишах, я считала про себя, боясь разочаровать ее* (Н. Берберова). Только у А. Платонова каузирующую страх ситуацию вводит прямая речь (– *Вы плачете? – испугался диспетчер*), что, как и употребление наречий образа действия, представляющих имплицитность протекания страха, подтверждает интерес автора к изображению страха в аспекте речевых процессов (ср.: *Наташа боялась про себя, что их двор уже сгорел*).

Исследование позволило выявить приоритет называния эмоции «страх» над иными способами ее представления. В свою очередь, средства обозначения страха используются при воспроизведении каждого из основных элементов эмоционального сценария, позволяя достаточно полно его представить. Данные наблюдения подтверждают значимость для художественного текста именно средств обозначения эмоций как «кодированных хранителей всех лингвистических и экстралингвистических знаний Homo sentiens о них» [4, с. 26].

1. *Актисова О.* Особенности выражения семантики состояния в художественном тексте (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») / *О. Актисова, Н. Ковалев* // Научное наследие Б. Н. Го-

ловина и актуальные проблемы современной лингвистики: сб. ст. по материалам междунар. научн. конф., посв. 90-летию проф. Б. Н. Головина. – Нижний Новгород, 2006.

2. *Апресян, В. Ю.* Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. – М., 2008. С. 293–306.

3. *Калимуллина, Л. А.* Семантическое поле эмотивности в русском языке: синхронный и диахронический аспекты (с привлечением материала славянских языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. А. Калимуллина. – Уфа, 2006.

4. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. – М., 2008.